

Наказание
ДЛЯ СВОДНОЙ

ПОЛИНА АМОР

Полина Амор

Наказание для сводной

«Литнет»

2026

Амор П.

Наказание для сводной / П. Амор — «Литнет», 2026

- На колени.- Заставь!- Ты не поняла. Это не просьба.Его голос — за спиной. Его руки — на моих бёдрах. А перед глазами — второй. Тот, что никогда не повышает голос. Тот, от чьего шёпота хочется сгореть.- Ты пришла сюда сама, сестрёнка. Теперь — играй по нашим правилам.Два сводных брата. Один особняк. Одна закрытая дверь, за которой мне нечего делать.Я всё равно вошла.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Добро пожаловать в семью	6
Правила этого дома	9
Tribunal	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

ПРОЛОГ

Холодный пол под коленями. Мрамор — чёрный, гладкий, отполированный чужими деньгами. Я чувствую каждый сантиметр этого камня голой кожей — и мне не холодно. Мне горячо. Так горячо, что хочется содрать с себя остатки одежды, но я не двигаюсь.

Не потому что не могу.

Потому что он сказал — замри.

Свечи. Десятки свечей — по периметру комнаты, на каминной полке, на полу вдоль стен. Живой огонь пляшет на чёрных стенах, и тени двигаются, как чужие руки. Пахнет воском, дорогим деревом и им. Ими. Двумя разными запахами, которые я научилась различать с закрытыми глазами: холодный парфюм — кедр, кожа, что-то горькое — и горячий, с нотой табака и чего-то сладкого. Дэмиен. Кирилл.

Дэмиен — передо мной. Я не вижу его лица целиком, только ноги в идеально отглаженных брюках, отблеск запонки на манжете, когда он поднимает руку. Его пальцы касаются моего подбородка. Поднимают. Медленно. Как дорогую вещь, которую не хочется разбить — но хочется проверить на прочность.

— Ты знаешь своё слово, — его голос — низкий, тихий, абсолютно ровный. Ни одного лишнего обертона. — Скажи его. И всё закончится.

Я молчу.

Кирилл — за спиной. Я чувствую его раньше, чем слышу. Жар его тела. Потом — пальцы на моей шее. Не сжимают — ложатся, как ошейник из горячей кожи. Его большой палец находит пульс за ухом, и я знаю, что он считает удары. Знаю, что считает быстро.

— Она не скажет, — его голос — хриплый, тёмный, с усмешкой. — Она уже давно не хочет, чтобы мы останавливались.

Он прав.

Господи, он прав.

Я стою на коленях перед двумя мужчинами, которых должна называть братьями. В доме, где сплю через стену от матери. В комнате, о которой не говорят за ужином. И единственная мысль в моей голове — не «как я сюда попала», а «почему мне так хорошо там, где должно быть стыдно».

Пальцы Дэмиена скользят по моей скуле. Пальцы Кирилла — по шее, вниз, к ключице.

Я закрываю глаза.

Нет. Чтобы понять, как я оказалась здесь, нужно отмотать три месяца. Вернуться в день, когда мой чемодан стоял на пороге чужого дома, мать сжимала мою руку с фальшивым оптимизмом, а я смотрела на этот особняк и думала: «Я не проживу тут и недели».

Я ошиблась.

Я прожила три месяца.

И потеряла себя.

Добро пожаловать в семью

Особняк выглядел так, будто его строили не для жизни, а для того, чтобы остальные чувствовали себя бедными.

Три этажа. Серый камень. Панорамные окна от пола до потолка, за которыми — идеально подстриженный газон, переходящий в сосновый лес. Подъездная дорога — вымощена чем-то, по чему стыдно ехать на нашем старом такси. Я смотрела через окно машины и считала: два гаража, бассейн (крытый, стеклянный, как аквариум для богатых), конюшня. Конюшня, серьёзно. Кто-то в этом доме ездил верхом.

— Красиво, правда? — мать сжала мою руку. Её ногти — свежий маникюр, которого у неё никогда не было в нашей двушке — впились в мою кожу. — Виктор сказал, твоя комната на втором этаже. С видом на сад. Тебе понравится.

Я не ответила. Мне не нравилось. Мне не нравилось с того момента, как она сказала: «Он хочет, чтобы мы переехали».

«Он» — Виктор Волков. Бизнесмен. Что-то с недвижимостью и строительством — я не вникала. Мать познакомилась с ним восемь месяцев назад на каком-то благотворительном вечере, куда её затащила подруга. Через три месяца — кольцо. Через пять — свадьба. Через восемь — я вытаскиваю чемодан из такси перед домом, в котором живут люди, чей месячный счёт за электричество, вероятно, равен моей годовой стипендии.

Виктор встретил нас на пороге. Высокий, широкоплечий, с сединой на висках и улыбкой, которая, надо отдать ему должное, выглядела искренней. Он обнял маму — долго, крепко, поцеловал в макушку. Потом повернулся ко мне.

— Марго. Рад, что ты здесь.

— Спасибо, — сказала я. Вежливо. Мертво.

Он помедлил, будто хотел сказать что-то ещё. Потом просто взял мой чемодан — сам, не прислуга — и понёс внутрь. Мать бросила на меня взгляд: «Будь милой». Я ответила взглядом: «Я и так».

Внутри пахло деревом и деньгами. Я не знаю, как пахнут деньги. Но это был тот запах. Что-то между свежей кожей, полиролью и каким-то диффузором за триста евро, который стоял в каждом коридоре. Потолки — высокие, как в музее. Лестница — широкая, с коваными перилами. Я шла по коридору и чувствовала себя экспонатом, который привезли по ошибке.

Моя комната. Виктор не соврал — вид на сад. Кровать, в которой можно утонуть. Гардеробная — пустая, готовая. Ванная комната с мраморной столешницей. Я поставила чемодан, села на кровать и подумала: я здесь чужая. И буду чужой.

Ужин был назначен на семь.

Я надела единственное приличное платье — тёмно-синее, простое, чуть выше колена. Мать надела что-то новое, явно купленное Виктором, и выглядела как женщина, которая очень старается соответствовать. Мне стало за неё больно. И злить одновременно.

Столовая — длинный стол на восемь человек, за которым сидели четверо. Виктор во главе. Мать — справа. Я — рядом с ней. И — он.

Дэмиен.

Он уже сидел, когда мы вошли. Встал — формально, коротко. Пиджак, белая рубашка, расстёгнутая на одну пуговицу. Тёмные волосы зачёсаны назад. Лицо — из тех, что запоминаешь не потому, что красивое (хотя да, красивое, чертовски), а потому что оно ничего не выражает. Совсем. Как дорогая маска, за которой может быть что угодно.

Ему было двадцать шесть. Старший сын Виктора. Наследник.

— Дэмиен, — сказал Виктор. — Познакомься. Это Марго.

Он посмотрел на меня. Не сверху вниз — он был выше, но дело не в росте. Он смотрел так, будто я — задача, которую ему дали решить, и он пока не понял, стоит ли тратить время.

— Марго, — повторил он. Моё имя в его голосе звучало как диагноз. — Значит, ты — бонус к невесте отца.

— Дэмиен, — Виктор нахмурился.

— Это комплимент, — Дэмиен улыбнулся. Улыбка не коснулась глаз. — Приятно познакомиться.

Он сел. Я села. Между нами — метр стола и километр презрения.

Второй стул — пустой.

— Кирилл опаздывает, — сказал Виктор, и в его голосе мелькнула тень. — Как обычно.

Мы начали есть. Виктор расспрашивал меня об учёбе, планах. Мать подкладывала мне салат, как будто мне пять. Дэмиен ел молча, но я чувствовала его взгляд — периферийный, незаметный, постоянный.

Кирилл появился на двадцатой минуте ужина.

Без пиджака. Чёрная футболка, которая стоила, наверное, больше, чем весь мой гардероб. Мотоциклетная куртка — бросил на спинку стула. Волосы — темнее, чем у Дэмиена, длиннее, упавшие на лоб. Он был моложе — двадцать четыре — но казался опаснее. Дэмиен был ножом в ножнах. Кирилл — ножом без ножен.

— Извините, — он не извинялся. Он констатировал факт своего появления. Сел, потянулся за хлебом, посмотрел на меня.

Открыто. Медленно. С ног до головы и обратно.

— Провинция приехала? — спросил он.

Тишина.

— Кирилл, — Виктор.

— Что? Я спросил. — Он откусил хлеб. — Из какого города? Нижнего чего-нибудь?

— Самара, — сказала я ровно. — А ты из какого? Хамства?

Мать сжала мою руку под столом. Виктор открыл рот. Дэмиен — я заметила краем глаза — чуть приподнял бровь. Первая трещина в маске.

Кирилл замер с куском хлеба. Потом — усмехнулся. Не зло. Удивлённо.

— Острая, — сказал он. — Ладно. Может, будет не так скучно.

Ужин продолжился. Натянутый, неловкий, как первый танец людей, которые не хотят танцевать. Виктор старался. Мать — старалась. Я — терпела. Братья — наблюдали.

Под столом — колено Кирилла коснулось моего. Я дёрнулась. Он не убрал ногу. Я подняла глаза — он смотрел в тарелку. Ел. Будто ничего не произошло.

Случайность?

Я отодвинула ногу.

Он — придвинул.

Я посмотрела на него. Он поднял глаза. И в них не было ни капли случайности.

После ужина я вернулась в свою комнату и долго стояла у окна. Сад внизу тонул в темноте. Фонари — тёплые, жёлтые — освещали дорожки. Тишина. Такая тишина, какой не бывает в панельных домах, где за стеной — телевизор соседей, а за окном — трамвай.

Я не могла уснуть.

В два ночи я вышла в коридор. Дом — огромный, пустой, дышащий. Мои босые ноги на паркете — единственный звук. Я шла без цели, просто чтобы не лежать в чужой кровати и не слушать чужую тишину.

Лестница вниз. Первый этаж. Коридор мимо кухни, мимо кабинета Виктора, дальше — к хозяйственной части дома. И — ещё одна лестница. Вниз.

Подвальный этаж.

Я остановилась.

За тяжёлой дубовой дверью — звук. Едва слышный. Музыка? Нет. Бас. Низкий, ритмичный, как сердцебиение дома. И — голоса. Далёкие, неразборчивые.

Я взялась за ручку. Потянула.

Заперто.

Я стояла перед этой дверью, слушая бас за ней, и чувствовала что-то странное. Не страх. Не любопытство. Что-то среднее. Что-то, что говорило: за этой дверью — настоящее. А всё, что наверху, — декорации.

Я вернулась в комнату.

Легла.

И впервые подумала: может, мать ошиблась не в мужчине. Может, она ошиблась в доме.

Правила этого дома

Утро пахло кофе и мокрой травой.

Я проснулась в шесть — привычка, которую не вытравишь переездом. В Самаре я вставала в шесть, чтобы успеть на первую пару. Здесь мне не нужно было никуда успевать. Но тело не знало, что жизнь изменилась.

Я надела шорты и майку — свои, старые, из тех, в которых нормально выглядеть в своей квартире и стрёмно — в чужом особняке за чёрт знает сколько миллионов. Но мне было плевать. Я пошла гулять.

Дом при дневном свете оказался ещё больше, чем казался вчера. Сад — не сад, а парк. Дорожки, выложенные натуральным камнем. Розарий. Какие-то деревья, которые я видела только в журналах. И — бассейн. Открытый, с бирюзовой подсветкой, от которой вода казалась жидким стеклом.

Он не был пуст.

Кирилл плыл. Мощными, ровными гребками — туда и обратно. Я остановилась у бортика и, наверное, должна была уйти. Но я смотрела. На то, как двигается его тело под водой: длинное, жёсткое, покрытое тёмными линиями — татуировки? Сквозь воду не разобрать.

Он вынырнул. Увидел меня. Не удивился.

Встал на дно — вода по пояс — и пошёл к лестнице. Вышел. Медленно. Не торопясь. Как человек, которому нечего скрывать и не от кого прятаться.

Теперь я видела: татуировки — да. Левое плечо, рёбра, что-то вдоль позвоночника. И — шрамы. Два, на правом боку. Старые, белёсые. Не хирургические.

Он стоял передо мной в одних плавках, и вода стекала по его телу, и он даже не потянулся за полотенцем. Просто смотрел. Ждал.

— Нравится вид? — спросил он. — Привыкай, сестрёнка. Тут всё общее. Почти.

У него были зелёные глаза. Тёмно-зелёные, как бутылочное стекло. И в них было что-то, от чего хотелось отступить. Я не отступила.

— Неплохо, — сказала я. — Но у меня в Самаре на речке мужики красивее выходили.

Он хмыкнул. Сделал шаг ко мне. Ещё один. Я почувствовала его — мокрого, тёплого, пахнущего хлоркой и чем-то сладковатым. Он был близко. Слишком.

— Ты не знаешь, с кем играешь, — тихо.

— Может, это ты не знаешь, — тихо в ответ.

Секунда. Две. Три.

Он улыбнулся. По-другому — не как вчера. Вчера — нагло. Сейчас — опасно.

— Ладно, — сказал он. — Посмотрим.

Взял полотенце и ушёл. Я стояла у бассейна с бешено колотящимся сердцем и говорила себе: это ничего. Это адреналин. Это новый дом, новые люди, нервы.

Это — ничего.

К полудню меня нашёл Дэмиен.

Я сидела в библиотеке — да, в этом доме была библиотека, настоящая, с лестницей на колёсиках и запахом старых книг. Читала. Пыталась читать. На самом деле — пряталась.

— Марго.

Я подняла голову. Дэмиен стоял в дверях. Другой костюм, та же безупречность. Он выглядел так, будто никогда не потел, не спал с мятым лицом, не ел руками. Отполированный человек.

— У тебя есть минута?

— У меня есть целый день, — сказала я. — Мне тут нечего делать.

— Это мы исправим, — непонятно. — Зайди ко мне в кабинет.

Его кабинет был на втором этаже, в левом крыле. Тяжёлая мебель, панорамное окно, запах кожи и кедра. На столе — ноутбук, бумаги, стакан воды. Ни одной личной вещи. Ни фотографии, ни книги, ни случайной мелочи. Стерильно. Как операционная для решений.

— Садись, — он указал на кресло напротив стола.

Я села. Он — напротив. Не за стол, а на его край. Ближе, чем нужно. Смотрел сверху вниз.

— Давай начистоту, — сказал он. — Мой отец — взрослый человек. Он принимает решения, и я их уважаю. Даже когда не согласен.

— Какой ты послушный сын, — вырвалось у меня.

Пауза. Короткая, но я её почувствовала — как перепад давления.

— Я хочу знать, — продолжил он, будто я ничего не сказала, — зачем ты здесь. Твоя мать — понятно. Ей нужна стабильность. Защита. Деньги — не буду ходить вокруг. Но ты — молодая, самостоятельная, учишься... Зачем тебе этот дом?

— Мне не нужен этот дом.

— Тогда зачем приехала?

— Потому что мама попросила.

Он смотрел на меня. Искал ложь. Я знала это выражение — прокурорское, холодное, точное. Он перебирал мои слова, как карты, и проверял каждую.

— Я не охотница за деньгами, если ты об этом, — я сама удивилась, как спокойно это прозвучало. — Я не просила сюда ехать. И у твоего отца я ничего не возьму. В отличие, видимо, от тебя.

Тишина.

Что-то произошло. Что-то мелькнуло в его лице — на секунду, не больше. Не злость. Удивление? Интерес? Что-то, что он быстро спрятал обратно за маску.

— Ты либо очень смелая, — сказал он медленно, — либо очень глупая. В этом доме — и то и другое опасно.

— Я переживу.

Он встал. Подошёл к окну. Долго смотрел наружу.

— Живи как хочешь, — сказал он, не оборачиваясь. — Но есть территории, куда лучше не заходить. В этом доме — не все двери открыты для гостей.

— Я не гость. Я, к сожалению, семья.

Он обернулся. И впервые — улыбнулся по-настоящему. Не тепло. Не мило. Так улыбается человек, который нашёл достойного противника в игре, в которую играет один.

— Семья, — повторил он. — Конечно.

Я вышла из кабинета с ощущением, что прошла первый раунд. Не выиграла. Но и не проиграла.

Вечером я лежала в кровати и слушала дом. Он жил. Скрипел, дышал, гудел кондиционерами. Где-то хлопнула дверь. Шаги. Голоса — приглушённые, быстрые.

Я встала и подошла к двери. Приоткрыла.

Коридор — пуст. Но голоса — снизу. Я выскользнула в коридор и подошла к лестнице.

Братья. Внизу, у входной двери. Оба одеты — чёрное, строгое, ночное.

Кирилл, тихо:

— ...в субботу. Всё готово?

Дэмиен:

— Tribunal — в десять. Новая партия. Артём будет.

— Артём — мудак.

— Артём — клиент. Не путай.

Пауза.

Кирилл:

— Она не должна знать.

Дэмиен, тише:

— Она — временная проблема. Не отвлекайся.

Дверь открылась. Закрылась. Тишина.

Я стояла наверху лестницы, босая, в пижаме, и перекатывала на языке слово, которое они не хотели, чтобы я услышала.

Tribunal.

Я не знала, что это.

Но я собиралась узнать.

Tribunal

Субботу я ждала как хищник.

Четыре дня я вела себя идеально. Завтракала с семьёй, улыбалас

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.